

В. Орел*

ДВАДЦАТИЛЕТИЕ «ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ» (вып. 1–21, 1974–1994)

Выбранная мною точка отсчета (год издания 1-го выпуска ЭССЯ) является, конечно, чисто условной. Если уж вести счет годам, его следовало бы начинать где-то в первой половине 1960-х годов, когда ныне действующий коллектив словаря под руководством О.Н. Трубачева приступил к созданию картожек и известил коллег о начале своей работы пробным выпуском¹. Для моего поколения славистов, посещавших в те годы начальную, а потом среднюю школу, ЭССЯ представлял собой своеобразный *fait accompli* и в то же время – образец непрерывного созидания, роста и преобразования. Наряду с многими другими публикациями его авторов-этимологов (прежде всего в серийных сборниках «Этимология»), словарь на протяжении последних десятилетий формировал ту интеллектуально-понятийную и информационную среду, в которой работали исследователи-слависты России и других стран, ту профессиональную традицию и особую школу, к которой позволительно было не принадлежать, но которую нельзя было игнорировать. Именно поэтому намеченный выше условный юбилей хотелось бы отметить не пополнением списка частных замечаний и дополнений к ЭССЯ, о чем мне уже не раз приходилось писать в прошлом², а попыткой обобщения всего того, в чем выразилось влияние ЭССЯ на современную историко-лингвистическую науку в целом и славистику в частности.

Важнейшее последствие работы над ЭССЯ уже названо выше – создание московской этимологической школы. Существование ее в последние тридцать – сорок лет настолько очевидно, что попытка внятно охарактеризовать основные черты этой школы, как они выразились в ЭССЯ, оказывается совсем не легкой. Все же, среди бросающихся в глаза позитивных особенностей московской этимологии можно было бы упомянуть стремление к семантической и словообразовательной глубине в анализе слова, или, если попытаться свести эти две черты к одной,

* © В. Орел

стремление к цельности анализа. Как ЭССЯ в целом, так и отдельные этимологические разработки ориентированы на цельнолексемные соответствия с учетом тонких словообразовательных и морфонологических особенностей и, одновременно, на поиск достоверных (а значит, отнюдь не тривиальных!) семантических соотношений между сравниваемыми словами. Стоит лишь открыть ЭССЯ на произвольном месте (ЭССЯ 5, 168–169), чтобы обнаружить там оба названных выше аспекта: в этимологии **dvigati* с реконструкцией именного **dvigъ* = нем. *Zweig* со значением, восстанавливаемым как *‘развилка’³ (ср. слвц. диал. *sošit* ‘поднимать’ при *socha* ‘развилка’) и в этимологии **dvoxati*, деривационно и морфонологически сближаемого с и.-е. **dhues-*, которое трактуется далее как ступень редукции к **dheu-s-*. Положительные стороны такого подхода – особенно в лексикографии – не требуют дополнительного подтверждения; однако есть у него и некоторые побочные недостатки, связанные с тем, что вне поля зрения исследователя могут иногда оказаться некоторые историко-фонетические «мелочи», например, акцентологические нюансы⁴.

Цельность этимологического анализа в ЭССЯ неотделима от и с т о р и з м а этого словаря, то есть ориентации на (виртуальную) реальность реконструируемых форм и, как следствие, придание особой роли праславянским диалектизмам и локализмам⁵. В сущности, введенные таким образом в научный оборот понятия праязыковой диалектной системы, реконструируемого диалектизма и диалектных семантических архаизмов раз и навсегда положили конец терминологическому и концептуальному туману, связанному с неразличением обще- и праславянского. Вместе с тем, понятие праславянского диалектизма претерпело на протяжении минувших тридцати лет некую эволюцию, и притом – не в лучшем направлении. Если в 60-е и первой половине 70-х годов реконструкция диалектизма (впоследствии вошедшего в словник ЭССЯ) требовала мощной дополнительной аргументации, например, наличия неславянских словообразовательных параллелей (р. **krida* ‘сито’ > в.-луж. *křida*, н.-луж. *kšida* = лат. *cřibrum* и т.п. – ЭССЯ 12, 151⁶) или принадлежности к архаичной словообразовательной модели (**kasty*, -ъve ‘осока’ > н.-луж. *kastwej*, ЭССЯ 9, 156–157⁷), то вновь предлагаемые в ЭССЯ праславянские диалектизмы далеко не всегда подстрахованы таким образом и с не меньшей вероятностью могут оказаться вторичными деривациями отдельных славянских языков, ср., например, **milica* > блр. *міліца* ‘камыш’ (ЭССЯ 20, 35), **motikъ* > рус. *мотик* ‘моток’ (ЭССЯ 20, 48), **myvъka* > болг. *мивка* ‘раковина умывальника; тряпка’ (ЭССЯ 21, 88). Эти замечания приводят нас к обсуждению еще одной черты, свойственной ЭССЯ, – ш и р о т е о х в а т а лексического материала.

Насколько можно судить по опубликованным выпускам, репрезентация сравнительных данных с некоторым допуском, то есть готовность авторов словаря скорее ввести в ЭССЯ избыточные (то есть вторичные) производные, нежели упустить какие-то потенциальные

праславянские лексические единицы, есть результат сознательной установки. Эта установка может в некоторых случаях значительно искажать реальную картину праславянского лексического состава, особенно в сфере продуктивной префиксальной деривации (**jъz-*, **na-*) и таких суффиксальных моделей, как **-telъ*, **-nikъ* и т.п. Слова, объединенные подобными праславянскими реконструкциями, могут, на самом деле, объясняться параллельным независимым развитием или межславянскими заимствованиями. Последнее особенно вероятно при практически полной семантической идентичности сводимых вместе форм и их принадлежности к сфере культурной лексики (ср., например, рефлексы **načitati se*, ЭССЯ 21, 230). Однако семантические фильтры в ЭССЯ не используются в принципе (см. ниже). Таким образом, ш и р о т а о х в а т а нередко оборачивается его б е с к о н т р о л ь н о й и з б ы т о ч н о с т ь ю. С методологической точки зрения это, бесспорно, плохо, однако – и это значительно важнее в практике лексикографии – в интересах дела (а не чистоты риз) этот недостаток следует всячески приветствовать, поскольку он оставляет за читателем необходимую свободу выбора и перспективу дальнейшего исследования той лексики, которая, к счастью, не оказалась за бортом ЭССЯ.

Выше уже отмечено отсутствие эксплицитно выраженного семантического контроля в ЭССЯ. Более того, этот словарь – по крайней мере, в заглавной части статей – вообще не дает семантической реконструкции, оставляя эту работу, как и верификацию семантической обоснованности сопоставления, читателю. Как мне представляется, это верное и единственно возможное для такого словаря решение⁸. Объясняется оно тем, что в достаточно большом количестве случаев семантическая реконструкция не является результатом «арифметических» действий над сравниваемыми формами, а влетает в этимологизацию праславянского слова и неотделима от процесса поиска этимона. Иначе говоря, в ущерб формальной симметрии материи и семантики, ЭССЯ основывает структуру своих словарных статей на значительно более глубокой связи семантики и этимологии, относя реконструкцию значения к чисто этимологической сфере. С другой стороны, реконструкция семантики в прозрачных дериватах, которой также избегает ЭССЯ, просто была бы нереальной на том уровне знаний, который характеризует сегодняшнюю историческую лингвистику.

В большинстве отзывов на ЭССЯ, как мне представляется, была упущена из виду еще одна важная особенность этого словаря – его потенциальное значение для с р а в н и т е л ь н о - и с т о р и ч е с к о й г р а м м а т и к и с л а в я н с к и х я з ы к о в. Столь грандиозное собрание сравнительно-сопоставительного материала, по самой сути своей, не может не дать ответа на спорные вопросы славянского исторического языкознания. В этом смысле весьма показательным примером реального вклада ЭССЯ в сравнительно-историческую грамматику может служить 8-й выпуск словаря, покрывающий начальное **х-*. Этот отрезок ЭССЯ предлагает нам новый ответ на вопрос об источниках неэкспрессивного **х-* в с л а в я н с к о м, а именно, отрицая некоторые более

ранние попытки⁹, сводит все прототипы слав. *x- к и.-е. *sk- (через промежуточную стадию *ks-), *ks- и *s- (последнее, видимо, только по правилу г и k i после определенных префиксов). Замечу, что эта картина в точности соответствует ситуации в албанском, где такие же источники реконструируются для h-¹⁰.

Несомненно велик и потенциал ЭССЯ в том, что касается его роли для и н д о е в р о п е и с т и к и. Хотя, к сожалению, сам словарь в своих индоевропейских сопоставлениях практически полностью зависит от словаря Покорного, что особенно нежелательно в том, что касается индоевропейских реконструкций как таковых и группировок и распределения реально засвидетельствованного материала между ними¹¹, праславянская лексика, восстанавливаемая в ЭССЯ, в огромной степени расширяет славянскую сравнительную базу, которая становится доступной индоевропейцам. Во многих случаях эти славянские дополнения придают индоевропейским этимологиям новое (хотя иногда и спорное) измерение, ср., например, такие статьи, как *lisa (ЭССЯ 15, 137–139), *hělъ (ЭССЯ 2, 79–81), *medъ (ЭССЯ 18, 68–72). Ясно, что возможности в этом направлении далеко не исчерпаны. Так, индоевропейская перспектива просматривается для слав. *kryra, известного только как западно- и восточнославянский топоним. В ЭССЯ это слово трактуется как звукоподражание (ЭССЯ 13, 70–71), однако соседство *Krery*, *Krywowo* с гидронимами, производными от слав. *kry, позволяет рассматривать *kryra как архаичное соответствие др.-инд. *krūrā-* ‘кровавый, израненный; рана’¹². В ЭССЯ 19, 210, в связи с обсуждением этимологии слав. *monisto, оказалось упущенным более простое образование pl. tantum *mony > рус. диал. *моны* ‘волосы’, непосредственно сопоставимое с и.-е. *monī- ‘шея’¹³.

Тот качественный рывок, который осуществлен в славянской этимологии благодаря ЭССЯ, не только не исключает, но и стимулирует все новые обращения к тому постепенно сужающемуся кругу славянских слов, которые по-прежнему принадлежат к этимологическим *dubia*. Не всегда такие возвращения к уже не единожды анализировавшемуся слову приводят к окончательному решению, однако они, несомненно, наполняют содержанием саму этимологическую деятельность. Интересным примером может служить слав. *mqdo/*mqdъ (ЭССЯ 20, 123–125), интерпретация которого остается проблематичной. Явная слабость упоминаемых в словаре малоубедительных сближений (с греч. *μῆδεα* ‘срамные части’, с лат. *mentula* ‘мужской член’ и с др.-инд. *māndala-* ‘круглый’) подталкивает авторов ЭССЯ к тому, чтобы принять несколько раз воскрешавшуюся (Якобсоном, а затем Топоровым) идею Маценауэра о родстве *mqdo/*mqdъ с *mqdrъ. Однако положенная в основу этого сопоставления расплывчатая идея о семантической смежности м у д р о с т и и п о л о в о й с и л ы в «обретении высших духовных ценностей или богатства, скота, потомства»¹⁴, на мой взгляд, весьма далека от реальных мотиваций такого рода лексики. В случае *mqdo/*mqdъ, во всех своих основных продолжениях вы-

ступающего как отнюдь не метафорическое обозначение тестикулов, стоило бы, прежде всего, взвесить перспективность его членения как *mq-do/*mq-dъ по модели таких слов, как *sq-dъ, *pri-dъ, *na-dъ, *u-dъ/*u-do и других производных со вторым компонентом *-dъ, восходящим к и.-е. *dhē-¹⁵. Если считать такое членение возможным, не остается ни формальных, ни семантических препятствий для сравнения корневой части *mq-do/*mq-dъ с индоевропейским обозначением мужчины (Рокому I, 700): др.-инд. *mānu-*, *mānuṣ-*, авест. *manuš-*, гот. *manna* (сюда же, в конечном счете, и слав. *mqžъ). В плане значения *mq-do/*mq-dъ оказывается названием того, что характеризует, иначе говоря – делает, устанавливает мужчину.

Размышляя о причинах, приведших авторов словаря к успеху – а их работа, несомненно, является успехом, о чем я еще скажу ниже, – необходимо подчеркнуть как одну из важнейших технических особенностей ЭССЯ его заранее и удачно спланированную тактику формирования словника. Число созданных наукой этимологических словарей столь невелико, что пока практически игнорируется вопрос о том, как собственно, следует (или, наоборот, не следует) строить деятельность, предшествующую собственно окончательному оформлению и публикации словаря. Никакой теории в этой области не существует, а жаль: опыт показывает, что казалось бы здравые соображения могут привести лексикографов к провалу. Так, например, априори кажется несомненным, что при наличии удовлетворительной сетки фонетических соответствий можно на ее основе, осуществляя «пересчет» от языка X к языку Y и используя некоторые семантические ограничения, прийти к достаточно полному списку этимологических соответствий, то есть к словнику будущего словаря. Увы, в случае с прерванным афразийским словарем И.М. Дьяконова этот поверхностно-рациональный подход привел к созданию совершенно недоброкачественного произведения¹⁶. В нашей работе над семито-хамитским этимологическим словарем мы учли это обстоятельство и прибегли к совершенно иной процедуре формирования словника, условно говоря, к историко-фонетической фильтрации семантически ограниченных групп лексики¹⁷. Еще одна процедура, результатом которой является ЭССЯ, была задумана в самом начале работы и базировалась на смелой идее создания праславянских картотек по каждому славянскому языку в отдельности, с последующим слиянием их в одну картотеку уже на праязыковом уровне¹⁸. Это принципиально новое решение представляется оптимальным при создании этимологических словарей для тех групп языков, в которых имеется длительная этимологическая традиция и хорошо разработанная сравнительно-историческая фонетика. В других случаях, когда подобная база отсутствует, представляется предпочтительной указанная выше процедура, принятая нами в семито-хамитском этимологическом словаре.

К сожалению, обстоятельства сложились таким образом, что ЭССЯ не был замечен в должной мере ни русской, ни мировой наукой. На

сегодняшний день его влияние и уровень цитируемости как в славяноведческой литературе, так и в индоевропеистике ни в какой степени не соответствует научному значению этого словаря. Впрочем, это дело кажливое. Куда более печально то, что ЭССЯ и в чисто физическом смысле не занял подобающего ему места. Так, в Израиле моя личная библиотека – единственная, где это издание представлено почти целиком (*почти* – поскольку я оказался не в состоянии раздобыть изданный смехотворным тиражом 18-й выпуск). Ничуть не лучше обстоит дело и во многих университетах Европы и США. Создается впечатление, что научные организации России, которым естественно было бы заботиться о распространении своих достижений, не вполне понимают, что именно представляет собой ЭССЯ. Между тем, этот доведенный лишь до половины проект уже сегодня является бесспорным сокровищем национальной гуманитарной культуры России и нуждается в постоянной и вдумчивой опеке.

Разумеется, проблемы, связанные с настоящим и будущим ЭССЯ, куда многообразнее того, о чем говорится в настоящих заметках. В любом случае, хотелось бы пожелать авторам словаря благополучно разрешить эти проблемы в тех нелегких условиях, в которых им приходится работать последние годы. Хочется надеяться, что в этом поможет и понимание важности научной задачи, и огромные размеры уже сделанного. Нам, читателям, остается только с нетерпением ожидать последующих выпусков.

Примечания

- ¹ Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Проспект. Пробные статьи. М., 1963.
- ² См., например: *Орел В.Э.* [Рец. на кн.:] Этимологический словарь славянских языков. Вып. 13 // Советское славяноведение. 1988. № 1, 104–106; *Он же.* [Рец. на кн.:] Этимологический словарь славянских языков. Вып. 14 // Советское славяноведение. 1988. № 2, 110–111; *Он же.* [Рец. на кн.:] Этимологический словарь славянских языков. Вып. 15 // Советское славяноведение. 1989. № 5, 102–103; *Он же.* К реконструкции праславянского словарного состава // Советское славяноведение. 1987. № 5, 73–79.
- ³ См. также: *Трубачев О.Н.* Славянские этимологии, 41–47 // Этимология 1964. М., 1965, 4–6.
- ⁴ Это, естественно, может повлечь за собой частные ошибки в идентификации акцентологически не допускающих объединения лексем. В то же время, отсутствие в ЭССЯ акцентной реконструкции как обязательного атрибута каждой словарной статьи оставляет читателя без весьма существенной информации, которую он часто не в состоянии получить самостоятельно на основе приводимых форм славянских языков. См. об этом: Основы славянской акцентологии. М., 1990, 3. Из других историко-фонетических неудач ЭССЯ назову здесь еще некорректное решение проблемы начального *i- vs. *jь-.
- ⁵ В духе пионерской работы О.Н. Трубачева: *Трубачев О.Н.* О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963. 154–172.
- ⁶ Там же. 165.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Возможной была бы только «псевдореконструкция», то есть механическое перечисление

при праславянской лексеме всех значений, засвидетельствованных у ее продолжений. Однако в данном словаре она была бы громоздкой, бесцельной, а главное, антиисторичной.

- ⁹ См.: *Иллич-Свитыч В.М.* Один из источников начального х- в праславянском. Поправка к закону Зибса // ВЯ. 1961. № 4. 93–98.
- ¹⁰ См.: *Orel V.* PIE *s in Albanian // *Die Sprache*. 31. 1985. 279–284.
- ¹¹ В этом смысле малосодержательными являются частые отсылки ЭССЯ к источникам типа пресловутого и.-е. *(s)ker- ‘резать’.
- ¹² См.: *Орел В.Э.* Балтийская гидронимия и проблемы балто-славянского этногенеза // *Советское славяноведение*. 1991. № 2. 83–86.
- ¹³ См.: *Орел В.Э.* Этимологические заметки по восточнославянской лексике // *Советское славяноведение*. 1990. № 3. 72–73.
- ¹⁴ *Топоров В.Н.* *Мизда* // *Мифы народов мира* II. М., 1993. 88. Цитируется также в ЭССЯ 20, 133.
- ¹⁵ См. уже: *Jagić V.* Das Leben der Wurzel *dhē-* in den slavischen Sprachen. Agram, 1871; далее см.: *Трубачев О.Н.* О составе праславянского слова. Проблемы и задачи // *Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации*. М., 1963. 182, а также: *Орел В.Э.* Слав. **идъ* // *Этимология* 1977. М., 1979. 55–59.
- ¹⁶ *Дьяконов И.М.* и др. Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. I–III. М., 1981–1986. Эта совершенно недостоверная работа, к сожалению, публикуется сейчас и в английском переводе в "St. Petersburg Journal of Afro-Asiatic Linguistics".
- ¹⁷ Подробнее см.: *Orel V., Stolbova O.* Hamito-Semitic Etymological Dictionary. Leiden, 1995, XXVII–XXVIII.
- ¹⁸ См.: *Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд)*. Проспект. Пробные статьи. М., 1963.

Л. Мошинский*

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАСЛАВЯНСКИХ ВЕРОВАНИЙ

1. **Предмет исследования.** Как показывает существующая богатая научная литература о духовной жизни праславян, одна из причин различия во взглядах заключается в отсутствии однозначной классификации исследуемых явлений. Трудноуловимая граница между разными уровнями духовной жизни имеет своим следствием то, что одни исследователи рассматривают их совокупно, как непрерывный ряд культурных явлений, куда включают также религиозную жизнь (напр., О.Н. Трубачев), другие выделяют верования и так называемую мифологию в одну группу проблем, причем деление внутри группы имеет второстепенное значение (напр., А. Брюкнер, С. Урбаньчик, А. Гейштор), наконец, есть и такие, которые усматривают существенную разницу между такими уровнями духовной жизни (в какой-то мере пересекающимися друг с другом), как магия, демонология и религия (напр., Х. Ловмянский). В основе различия в подходе к этим проблемам лежит, конечно, не отношение исследователя к христианству, что поста-

* © L. Moszyński